

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ УБИТАГО ОФИЦЕРА (°).

1831 — 1838.

22 ноября 1831 года, выпущенъ я офицеромъ изъ 2-го Кадетскаго корпуса въ Конно-артиллерійскую № 2-го роту. День моего выпуска, безъ сомнѣнiя, навсегда останется лучшимъ днемъ въ моей жизни. Съ офицерскимъ мундиромъ я получилъ свободу; но да сохранить меня Богъ, чтобы я когда нибудь употребилъ во зло мою свободу и приобрѣтенныя права.

Къ чему представлять себѣ все въ радужномъ цвѣтѣ? Къ чему надѣяться, что дорога моей жизни будетъ безъ неровностей, безъ рытвинъ, безъ пропастей? Но, что бы ни было, я буду стоять прямо: судьба да сохранитъ меня отъ постыднаго паденiя.

Странно, мрачныя мысли туманятъ мою голову, въ то время, какъ все окружающее встрѣчаетъ меня улыбкою, утѣшаетъ вниманiемъ; мать и братъ заботятся обо мнѣ, влччески стараются развлечь *неопытнаго юношу*.

Завтра я съ матушкой отправляюсь въ Т..... губернiю; въ В...в... уѣздъ, гдѣ ждетъ насъ отецъ....

Изъ Петербурга ѣхали мы на долгихъ. Дорога была страшна-но утомительна. Заѣзжали въ известное село Грузино, для того,

(°) Предлагаемъ здѣсь доставшіеся намъ отрывки изъ записокъ поручика Дмитрія Страшнова. Подробности объ авторѣ помѣщены въ концѣ.

чтобъ я поблагодарилъ графа Аракчеева за опредѣленіе мое въ корпусъ.

Мепенать мой обласкалъ своего питомца за то, какъ самъ говорилъ онъ, «что я постарался сдѣлаться артиллерійскимъ офицеромъ, чѣмъ и успѣлъ нѣсколько отблагодарить родныхъ и знакомителей за ихъ заботы и попеченія». Графъ много толковалъ объ обязанностяхъ благороднаго человѣка, о необходимости слѣпо выполнять присягу, и проч., въ томъ же духѣ.

Сегодня, 9 января 1832 года, скажу прости родимому уголку и лѣтомъ полечу въ Варшаву.

27 января 1832 г., 11 часовъ ночи.
Англійская гостиница въ Варшавѣ.

Ровно сутки живу я въ роскошной Варшавѣ. Грустно смотрѣть на эту славную красавицу. Долго гулялъ и катался я по городу, накупилъ для себя кое-что.... Два фактора, за самую умѣренную цѣну, навязываютъ свои услуги, безпрестанно предлагаютъ поближе познакомиться съ мѣстными красотками: того и гляди, наведутъ на грѣхъ.

Изъ достопримѣчательностей Варшавы обратилъ я особенное вниманіе на укрѣпленія. Они, въ своемъ родѣ, совершенство. Невольно скажешь, что одна «русская мочь ихъ могла перемочь».

6 февраля. Мѣстечко Мышенцы, на прусской границѣ.

Неинтересная стоянка. Время проводимъ въ холостыхъ сходкахъ, между собой.

По дорогѣ изъ Варшавы ночевалъ я въ Остроленкѣ. Оно съ трехъ сторонъ выжжено. Въ трактирѣ, сверхъ ожиданія, случился хорошій ужинъ и удобный ночлегъ; но ни вечеромъ, ни утромъ я не видалъ хозяевъ. Меня угощали двѣ хорошенькія паненки и молоденькая дѣвочка.... Онѣ сѣли подле меня, смѣялись, шутили, подчивали виномъ, поили портеромъ и проч. Надобно мнѣ эта излишняя угодливость: я безъ церемоніи объявилъ, что мнѣ пора спать. Онѣ тотчасъ вышли. Я поспѣшилъ лечь въ постель; но не прошло и четверти часа, какъ въ двери моей комнаты кто-то смѣло постучался.

— Не угодно ли вамъ къ ночи бутылку пива? раздался голосъ одной изъ паненокъ.

— Благодарю.

— Можетъ быть, портеру?

— Не надобно.

— Что же вамъ угодно?

— Чтобы вы оставили меня въ покоѣ.

Непродолжительный и звонкій смѣхъ раздался за дверьми.

Меня не беспокоили, и я по утру, безъ особыхъ приключеній, выехалъ изъ Остроленки.

Въ Пултускѣ я обнялъ несчастнаго своего брата В* (*). Онъ въ большой нуждѣ. Семь лѣтъ прошло со времени послѣдняго моего свиданія. Мы вновь встрѣтились, и съ какимъ удовольствіемъ поспѣшилъ я пособить своему брату деньгами, всѣмъ, чѣмъ могъ. Благородный, но чрезъ мѣру пылкій характеръ погубилъ его. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ несетъ всѣ тягости солдатской службы. Судьба не была къ нему благосклонна: баталіонъ Ж... полка захваченъ былъ, въ полномъ составѣ, въ плѣнъ; Поляки полонили и моего брата. Дѣло было такъ: баталіонъ, подъ командою П. Б...., составлялъ гарнизонъ крѣпости З.... Крѣпости лишена была почти всѣхъ средствъ къ защитѣ: ржавыя пушки безъ лафетовъ тамъ и сямъ валялись по обсыпавшемуся валу; ядеръ и бомбъ не было, малочисленный гарнизонъ не въ состояніи былъ удержать укрѣпленіе.... До времени крѣпость защищена была только Провидѣніемъ: никто не обращалъ на этотъ пунктъ никакого вниманія; о немъ, казалось, за былъ и неприятель. Братъ съ баталіоннымъ командиромъ квартировали у Жида въ корчмѣ. Въ полночь роковой ночи, офицеры сѣли у баталіоннаго за картами. Вдругъ тревога, ружейные выстрѣлы, свистъ пуль, крики Жидовъ, предавшихъ москалей въ руки Поляковъ. Быстро накинулъ на себя братъ аммуницію и стремглавъ бросился вслѣдъ за офицерами изъ корчмы. Баталіонный отдалъ приказъ убрать казенный ящикъ подалше въ сарай и всячески стараться спасти его. Братъ поспѣшилъ исполнить приказъ. Въ это время, полковникъ уже былъ окруженъ Поляками. Жестоко оскорбленный, осмѣянный ими, онъ долженъ былъ сдаться. Побѣдители устремились въ сарай: послѣ непродолжительной схватки, ящикъ былъ захваченъ....

Съ наступленіемъ утра, плѣнные были отведены въ укрѣпленіе Н.... Н.... Откуда братъ бѣжалъ въ Пруссію. За нимъ гнались кастовые польскіе. Враги наступали бѣгущаго; но вотъ спасительный рубежъ земли чуждой: прусскіе часовые флегма-

(*) Въ подлинникѣ почти всѣ собственныя имена скрыты подъ заглавными буквами.

тически склонили ружья на прицѣль, и преслѣдователи должны были ретироваться. До конца кампании братъ находился въ Пруссіи, лишенный возможности стать въ ряды дѣйствующей арміи.

Въ Пултускѣ видѣлъ я и другаго своего брата, А., юнкера М... полка. Много хорошаго разсказалъ мнѣ о его храбрости ротный командиръ. Такъ, напримеръ, подъ Остроленко, на мосту черезъ Нареву, происходила горячая свалка. Въ жару боя, братъ былъ сильно раненъ штыкомъ въ якру. Въ отбѣску, храбрый юнкеръ изломалъ штыкъ о кости непріятели, и до половины ствола его ружья было набито человеческимъ мясомъ. «Впрочемъ — добавилъ капитанъ — если съ такимъ азартомъ дрались наши, то и противники вели себя истинно удалцами. Ихъ безстрашію, ихъ огню надо удивляться.»

17 сентября. Деревня К....

Съ тяжелымъ, мертвящимъ чувствомъ, смотрѣлъ я на слѣды грознаго опустошенія, во все продолженіе нашего похода съ прусской границы въ Литву. Жители въ разбродѣ, поля измяты, жилища выжжены и срыты. Какая ужасная кара!..

Но вотъ мы пришли и на постоянныя квартиры, подъ теплую кровлю и если не на добрый пиръ, такъ все-таки лучше бивуаковъ и бивуачной жизни: съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же анекдотовъ, неизмѣнными картами и проч.

28 сентября. Мыза Гролаць.

Экъ, какъ пригодилась бы мнѣ теперь польская фамилія! Можетъ быть, она провела бы меня въ семейства помещиковъ. Насъ не жалуютъ и неохотно принимаютъ къ себѣ Поляки....

Выѣзжать и знакомиться невозможно, а жить въ избѣ невыносимо. Хаты курныя, вездѣ дуетъ, окна войлочные, грязь, хозева нищие.... Въ жилище, которымъ обезпечила меня судьба на зиму, просто, войти нельзя. Стѣны черны отъ дыма и таракановъ; полъ — земля сырая, дневной свѣтъ едва, едва проникаетъ. Но лучше умолчу о всѣхъ прелестяхъ моей стоянки.

30 сентября.

Явился посланный отъ графини К., владѣлицы близъ лежащаго села. Зовутъ къ себѣ. Можно представить, какъ обрадовалъ меня это приглашеніе. Черезъ часъ я уже входилъ въ бильярдную; не успѣлъ оправиться передъ зеркаломъ, какъ вошла графиня. На ея лицѣ замѣтны слѣды грусти и печали. Зашла рѣчь о

Петербургъ — я развернулся. Подали чай, вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ явилась прелестная, какъ ангелъ, дочь графини. Я весь встрепенулся. Присутствіе красавицы мгновенно оживило оставившую бесѣду.

Какъ покойно ея лицо, какъ прелестны ея очи! Красавица нѣжными зѣньями своими чудными очами.... Тихо, въ забытіи возвратился я въ курную хату.

9 октября. Мыза М....

Ура! моя скверная избацца преобразилась въ покойное, комфортабельное жилище: я живу въ графининомъ домѣ. Жалею мнѣ свою гостепріимную хозяйку. Она скорбитъ сердцемъ о смерти мужа и сына, павшихъ въ бою. Оставшійся въ живыхъ сынъ ея рѣдко бываетъ съ нами. У него только и на умѣ: борзья, гонимыя, дивавья.... За то дочь графини.... Въ семнадцать лѣтъ это прелестное, очаровательное созданіе, веселое, какъ дитя. Чтѣ за божественный огонь горитъ въ ея глазахъ! все въ ней такъ просто, такъ безыскусственно!

15 октября.

Я неразлученъ съ Ел.... Ей вздумалось учить меня польскому языку. Говорить ли о томъ, что я дѣлаю невѣроятныя успѣхи? Всѣ трудности исчезаютъ.

24 октября.

Вчера, часу въ пятомъ пополудни, мы гуляли съ Ел.... въ саду. Засохшіе цвѣты, обнаженныя деревья, къ тому же пасмурное, осеннее небо настроили разговоръ на печальный ладъ. Между прочимъ, она спросила меня: «Что для васъ лучше — весна или осень?»

Проникнутый грустнымъ чувствомъ отъ продолжительнаго созерцанія умирающей природы, я отвѣчалъ машинально: «осень» (*).

— Почему жь?

— Потому что... весной все видимое только возрождается, стремится освободиться отъ узъ или пеленъ, подъ которыми скрывается совершенное, зрѣлое. Весна есть младенчество, которое обѣщаетъ намъ показать осенью, въ полный свой возрастъ, удивительныя совершенныя.

— Согласитесь же, однако, что осенью все уныло.

— Правда; но эта унылость сама по себѣ доставляетъ величайшее наслажденіе. Скажите: человекъ съ душой младенческой

(*) Рагелъ въ этомъ напоминаетъ бѣснѣе героевъ и гербинь романовъ Марлинскаго.

кой пойметъ ли онъ меня? Есть ли въ немъ сокровища, способная совмѣстить мои несчастливые восторги?

— Итакъ, опытность, умная старость—вашъ лучший соратникъ? подхватила Ел..., смѣясь. Вы заключили несправедливую сделку. Старость дышетъ остудою чувствъ, и, стало быть, она не в силахъ приютить, согрѣть мгновенно мое чувство, уразумѣть, слѣзаясь съ огненной моею мыслью, при самомъ ея рожденіи. Покуда мѣсть старость будетъ рассчитывать, нужно ли дать откликъ въ звукъ души моей, я уже пять разъ потеряю терпѣніе. Отчего, напримеръ, продолжала красавица:—стоя надъ бездной, куда съ шумомъ стремится вода, рветъ и мечетъ все встрѣчное, отчего чувствуется одно болѣзненное трепетаніе, отчего безотчетно стараешься продлить мучительное наслажденіе? Совсе не потому, что это сданы для насъ новыя, а за тѣмъ, что и въ душѣ нашей иногда совершается подобное зрѣлище....

Въ концѣ аллеи, показался братъ Ел...

Мы молча вернулись въ комнаты.

3 ноября.

Что за чудное, неизгяснимое блаженство любить сильно, высоко, съ тѣмъ огнемъ, съ какимъ только можно любить въ мои годы, когда еще душа не истомилась подъ вліяніемъ страстей!

Я не знаю, что со мною дѣлается; знаю только то, что настоящее мое восхитительно; я въ упоеніи! Неужели можно найти слова, чтобы выразить подобное состояніе духа?

Сегодня я слушалъ, я уивался плѣнительной музыкой Ел... Боже, какъ хороши эти звуки, этотъ говоръ души возвышенной! Какъ обворожительна музыкантша!

Любимый поэтъ Ел... Мицкевичъ. Высокая мысль, тихое, отрадное, глубокое чувство обнаруживается на прекрасномъ лицѣ ея, при чтеніи дивныхъ стиховъ.

18 ноября. Мыза М....

Куда завели меня мечты мои, въ какую невѣдомую страну занесенъ я?... Вездѣ туманъ, все земное отдѣлено отъ глазъ моихъ завѣсною очаровательной фантазіи. Зачѣмъ я встрѣтилъ тебя, Ел...? Зачѣмъ предсталъ предо мной этотъ небесный житель?

20 ноября.

Вчера пріѣхалъ на мызу корнетъ N N гусарскаго полка, другъ сына хозяйки дома. Старушка очень ласкаетъ X*, толкуетъ о свадебныхъ приготовленіяхъ; но Ел... столько же холодна къ корнету, сколько благосклонна ко мнѣ.

— Ел... скажите мнѣ, X* дышетъ руки вашей?

— Можетъ быть.

— И вы?

— И я... — его ненавижу.

Странно становится мнѣ при мысли, что пріичный рыцарь тотъ становится обладателемъ превосходнаго творенія Божія.

Вечеромъ. Сію минуту былъ у меня X*. Онъ приходилъ посоветоваться о томъ, какъ дѣйствовать, чтобы получить руку Ел... Молча болталъ корнетъ, я молчалъ, но внутренне молилъ Бога, чтобы бракъ этотъ не состоялся.

16 декабря. Мѣстечко Н. Штабъ-квартира.

Бѣду въ Москву. Съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ простился я съ своимъ ангеломъ!

Многіе твердили мнѣ, что ко всему привыкнуть можно. Никогда не соглашусь. Человѣкъ, одаренный умомъ, умѣетъ въ несчастіи сохранить наружное спокойствіе, между тѣмъ, какъ душа его мѣтаетъ въ безсильной борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами. Многіе ли переносили безъ ропота встрѣчу съ несчастіемъ? Въ утѣшеніе, я могу только мыслить свободно, но мыслить про себя. На эту способность люди не имѣютъ права: Богъ ее далъ, Богъ и возьметъ!

15 января 1833 г. Вильно.

Незавидно, непривлекательно счастье, если оно является въ мнѣ въ такомъ же видѣ, въ какомъ явилось мнѣ. Мѣсяць назадъ я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Гдѣ, куда улетѣло это золотое время? Я отчаяваюсь когда либо увидѣть женщину съ такими превосходными качествами, какими обладаетъ Ел...

27 января. Минскъ. Гостиница.

Путевой товарищъ, артиллеріи поручикъ Тихменевъ (*), человекъ веселый и беззаботный, пошелъ отыскивать знакомыхъ; а я съ обыкновенною думою гляжу на улицу, полусвѣщенную фонарями. Шумъ понемногу стихаетъ. Здѣсь не такъ, какъ въ столицахъ: въ полночь тишь непробудная. Я задумался. Воображеніе унесло меня въ садъ, на скамейку, подъ сводъ душистыхъ сиреней и акацій, подлѣ Ел... Что-то дѣлаетъ она? бормотала я.

(* Умеръ впоследствии, подполковникомъ, на Кавказѣ.

— Спать! сказалъ кто-то среди меня тоненькимъ голоскомъ. Оборачиваюсь. Тихошевъ стоитъ подлѣ меня и кашляетъ головой.

— Ты не хочешь-таки усновиться? Знаешь ли, что, прожаль онъ:—такъ, какъ безъ лица не ложатся спать, что я сам лично заказалъ повару чудную закуску; а пока выпей стаканъ винца, за здравіе твоего ангела.

2 февраля. Москва.

Встрѣтилъ брата-солдата.... Его положеніе безотраднo. Гдѣ исходить изъ него, не знаю....

6 апрѣля. Серпуховъ.

Живу, живу мечтами о незабвенномъ прошедшемъ. Боже мой, съ какою бы наслажденіемъ возвратился я къ милому прошлому!

Сомною бываютъ мрачныя минуты: тогда участіе людское раздражаетъ, а не утѣшаетъ меня. Присутствіе человѣка, говоръ людской становится ненавистными. Ничто не можетъ уладить тоски моего одиночества; я не могу писать, за многое принимаюсь и ничего не оканчиваю. Все она, все она занимаетъ мою голову; при мысли о ней трепещетъ мое сердце.

15 мая. Серпуховъ.

Карты межъ чиновниковъ, сплетни, жеманство, ссоры среди дамъ—вотъ развлеченіе жителей уѣзднаго города. Во встрѣчахъ нашихъ съ этимъ обществомъ царятъ разгулъ, свобода до дерзости, довольно пошленькія остроты и анекдоты. Все это служитъ къ невинному убиванью времени.... Тоска!

Я бываю у весьма немногихъ, да и не хочу знакомиться; но люблю особенно проводить время въ домѣ здѣшняго богатаго помѣщика, холостяка В...., товарища по лицу нашихъ знаменитыхъ поэтовъ А. С. Пушкина и барона Дельвига.

17 сентября.

Грудь болитъ. Здоровье примѣтно радостраивается. Подать рапортъ объ увольненіи отъ службы. Полечу къ роднымъ, возобновлю свои силы, исцѣлю болѣзнь души моей.

18 мая 1834 г. Озель А.

Гощу въ островномъ имѣнии, на берегу рѣки Мсты. Гуляю, хожу съ ружьемъ, катаюсь на лодкѣ, на лошади, кушаюсь, пишу всего читаю, наконецъ засыпаю, съ тѣмъ, чтобы, проснувшись, снова привыкъ за то же. Все это навремя хорошо, но къ обещемъ результатъ скучно.

17 марта 1835 г. С.-Петербургъ.

Принять на службу въ артиллерійскую бригаду, расположенную въ Финляндіи. Страна эта такъ романически описана, что мнѣ, жителю низменныхъ мѣстъ, съ нетерпѣніемъ хочется посмотреть на эту славную страну, «близкую къ полюсамъ, сосѣднюю Гибралторскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце вѣдетъ постоянно только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ такъ же, какъ въ странахъ, благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье!»

24 марта. Казармы въ Финляндіи.

Ночи нѣтъ какая скука! Что начать, за что привыкаться? Читать совершенно нечего. Продолжать дневникъ? Но будетъ ли онъ интересенъ? Хорошо вести журналъ впечатлѣній тому, кто часто мѣняетъ мѣсто, кто встрѣчаетъ людей съ чуждыми понятіями, чуждыми обычаями: тому лишь бы охоты стало—писать найдется что. А мнѣ? Представьте себѣ жизнь самую однообразную.... Казарма между лѣсомъ и скалами. Кругомъ далеко не видно жилья. Тщетно глазъ старается отыскать видѣ, болѣе страдный: вездѣ чуждо, безотвѣтно, холодно... Тамъ видны скалы, закутанныя пушистымъ снѣгомъ, изрѣзанныя черными разсѣлинами, а тамъ, вправо, вѣчно волнуется море.

13 августа.

Созерцаніе дикой, мрачной и угрюмой здѣшней природы часто заставляетъ трепетать мое сердце.... Не забуду поѣздки въ Гельсингфорсъ. О многомъ передумалъ, многое переживу—валъ я, любуясь на водопадъ Гегсфорса (*). Изумленный чуднымъ зрѣлищемъ, при громовомъ шумѣ паденія волнъ, при видѣ огнистой радуги, влажныхъ искръ, я побѣжалъ къ водопаду и сталъ на камнѣ. Съ обѣихъ сторонъ охватывали его волны; брызги меня засыпали. Взглянулъ подъ ноги: тамъ отвѣсная, пѣнистая стѣна, а внизу ея кипящая бездна. Впервые, со времени прощальнаго свиданія моего съ Ел.... душа моя замирала въ какомъ-то упоительномъ наслажденіи.

20 апрѣля.

Версты три отъ нашей стоянки есть два, полуразрушенныя, полевыхъ укрѣпленія. Сюда люблю я прогуливаться.... На обывшемся валу, съ книгою въ рукахъ, лежу я по нѣскольکو часовъ сряду...

(* Станція по большой дорогѣ въ Гельсингфорсъ.

Но книга валится изъ руки, и я начинаю мечтать... Какъ бы далеко ни заносились мои думы, но онъ всегда примчатъ меня въ фантастическій, волшебный міръ любви. Воспоминанія о Ел... для меня отрада. Неужели сердце мое перекипѣло, запылало для новыхъ впечатлѣній? Неужели оно тотъ самый буйный, любимѣйшаго моего писателя Марлинскаго, на которомъ ни что и ничто не можетъ начертать слова *завѣтъ*?

20 июня.

О чемъ писать? О жизни военной; но зачѣмъ рассказывать о безцвѣтномъ убиваньи времени? Говорить о солдатахъ, этихъ удалыхъ молодцахъ? Но много ли новаго въ ихъ быту? Описывать Финляндію, ея величественную природу — лучше прочесть Батюшкова.

1835 годъ.

У батареинаго командира бываю чрезвычайно рѣдко, только по особенному приглашенію. Чудакъ! Онъ ревнуетъ меня къ своей хорошенькой женѣ (*). Странною ревностію онъ оскорбляетъ меня. По своимъ правиламъ, я считаю святотатствомъ осквернить чистоту брачнаго дожа. Мое поведеніе вовсе не даетъ права дѣлать ни о женѣ своей, ни обо мнѣ подобныхъ заключеній.

3 мая 1836 г. Выборгъ.

Прости, Финляндія! Прости, жизнь методическаго обращенія съ солдатами. Простите товарищи, будущіе генералы. Лечу въ Петербургъ. Жизни, жизни мнѣ надо! Въ чемъ она состоитъ, гдѣ ее найти?

20 мая. Деревня Шельдиха. Берегъ Ладожскаго озера.

Что за прелестное существо встрѣтилъ я въ Петербургѣ, въ добродушномъ семействѣ Б....выхъ!.. Младшая дочь старика — какое-то фантастическое созданіе. Надобно гордиться, если вы успѣете приобрести ея вниманіе. Въ продолженіе пустаго, свѣтскаго разговора, смотрите, какая горькая насмѣшка, какая беспощадная иронія видна на ея умномъ, прелестномъ личикѣ. Но заговорите отъ души, серьезно, и какъ мгновенно прояснятся ея глаза, какой обворожительной влагой заблестятъ они, и какая умная, безъискусственная, прочувствованная рѣчь польется отъ ея роскошныхъ устъ!...

(* По замѣчанію Ф. Д. К., авторъ дневника былъ очень хорошъ собой, строенъ и хорошо сложенъ.

8 сентября 1837 г. Ораніенбаумъ.

Отъ дядеры, я заболѣлъ, и заболѣлъ серьезно. Къ боли присоединилась тоска о томъ, что все родные меня забыли, ни отъ куда нѣтъ отрадной вѣсточки, ни откуда участія и любви. Отецъ не благоволитъ ко мнѣ, не пишетъ, не позволяетъ писать и матери; мало того: въ письмѣ къ брату, называетъ меня отступникомъ (отъ чего?), еретикомъ, либераломъ!! И больно, и грустно за это отживающее поколѣніе. Любопытно, что называютъ они отступничествомъ и либерализмомъ.

21 января 1838 г. С.-Петербургъ.

Нѣтъ, не могу я жить въ той средѣ, въ которую бросила меня судьба! Подамъ переводъ на Кавказъ. Будь что будетъ, но дальше, дальше отъ береговъ Невы!...

19 октября. Кавказъ. Лагерь при Бу — мѣ Лиманъ (*).

Въ виду Кавказскихъ горъ, въ виду величественной природы, я ясно вижу, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ гениальный Марлинскій описалъ чудесныя картины роскошнаго юга! Красоты и ужасы природы, добрыя и злыя дѣйствія человеческого сердца, тайная поэзія духа нашего — вотъ область, въ которой витаетъ его гений, вотъ откуда черпалъ онъ усладительную пищу души нашей. Быстрая, какъ молнія, мысль неслась и уносила его къверху, за звѣзды млечнаго пути, и внизъ, за тѣнь могильную!

Но истиннѣ, предметы, избираемые Ал. Ал. Бестужевымъ для повѣстей, столько же разнообразны, какъ міръ, начиная съ добраго, нѣжнаго, легкаго, розоваго созданія неба до злаго, страшнаго, чернаго исчадія ада: велико поле, силенъ былъ и витязь!

Онъ не падалъ духомъ, трудился и дарилъ Россію своими дивными произведеніями.

Изящный вкусъ былъ необходимымъ условіемъ его пера. Если и случалось, что Бестужевъ иногда и грѣшилъ (чего, впрочемъ, я не замѣчалъ) противъ условій эстетическаго вкуса, то онъ противорѣчалъ самъ себя.

22 октября.

Походъ, походъ! Что сулитъ онъ мнѣ — славную ли смерть, славную ли заслугу предъ бравыми товарищами? Не страшусь я смерти, не лѣшусь и на награды....

(* Въ этомъ мѣстѣ вырвано нѣскольکو листиковъ. Съ этого числа заѣтки велись на маленькихъ листикахъ.

23 октября.

Заняты постройкой крѣпости Цемеса, вѣсто 3 дессанта. По-знакомился съ Данзассомъ, секундантомъ Пушкина. Какого-то городный человекъ, вполне достойный сотоварищъ безсмертнаго поэта! Постараюсь сойтись съ нимъ поближе и, вѣроятно, узнаю любопытныя подробности о покойномъ.

26 октября. Коса между Чернымъ моремъ и устьемъ Кубани.

Сегодня я долго сидѣлъ на скалистомъ берегу Чернаго моря. Думы роились и отлетали, какъ волны, которыя съ шумомъ отбиваются отъ берега. Въ безотчетномъ упоеніи, въ непонятной задумчивости долго и долго сидѣлъ я на берегу... Гдѣ ты, что съ тобою, ангелъ души моей Ел...? Неужели ты не постигла всей силы моей пламенной любви? Неужели сердце твое бьется для другаго? Неужели ты не отличила меня отъ этихъ пустыхъ, ничтожныхъ людей? Но Боже, Боже мой! Чѣмъ же я отличилъ себя отъ этой жалкой толпы, чѣмъ заявилъ цѣль своей жизни, на что способенъ, къ чему приготовленъ я? Но нѣтъ, я нездоровъ. Тоска давить изъ меня слезы....

Я началъ съ картины моря, съ картины дѣвственной природы. Какъ великолѣпно описалъ ее неопытный Марлинскій... Нѣкоторые говорятъ, что онъ слѣшой подражатель Жанену — пустяки! Это выраженіе родилось въ кабинетѣ, среди столичной жизни, произнесено людьми, чуждыми всякаго понятія о прибрежныхъ скалахъ, о дивныхъ картинахъ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей.

29 октября. Бивуакъ на берегу Чернаго моря.

Страшный сонъ, мучительный сонъ! Все она, и что за лицо, что за граціозныя позы, что за страстное выраженіе лица! Въ движеніяхъ Ел..., въ ея жгучихъ взглядахъ, ея блоснѣжной, волнуемой груди видна какая-то пламенная вакханка! Впрочемъ, я снамъ не вѣрю: они тѣ же сказки, только безъ морального заключенія.

Цѣлое утро просидѣлъ надъ моремъ! Море, море, что движетъ твои волны? Зачѣмъ, для чего шумите вы? Миѣ пришли на память прекрасныя стихи Полежаева:

Я видѣлъ море, я взмѣрилъ,
Очами жадными его;
И силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.

«О, море, море!» Я мечталъ,
Въ раздумьи грустнѣе и глубокомъ,
«Кто первый мыслитъ и стоить
На берегу твоёмъ вѣтромъ?
Кто, не разгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владыкъ и племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?...» и т. д.

Въ моихъ тетрадкахъ вписано множество лучшихъ стихотвореній лучшихъ поэтовъ нашихъ; есть и мой грѣшны стихотвореніе... Кроме сочиненій Марлинскаго, въ моемъ походномъ чемоданикѣ слѣшкомъ немного книгъ: вотъ почему читать и перечитывать мои тетрадки есть для меня одно изъ лучшихъ наслажденій.

29 октября, ночь.

Завтра бой! Что за странное предчувствіе, что за удивительныя переходы отъ снѣдающей грусти къ безумному веселью! Что-то говорить мнѣ: близится и близится послѣдній расчетъ твой съ жизнью!... Что жъ, я готовъ! Боже Ты мой Господи! дай мнѣ языкъ, дай мнѣ способность выразить словомъ горькимъ, словомъ могучимъ всю силу той страшной мысли о ничтожествѣ жизни нашей, — мысли, которая жжетъ грудь мою!...

Рукою брата автора сихъ записокъ, приписаны на послѣднемъ листкѣ слѣдующія строки:

«Помни Господи душу раба Твоего Дмитрія во царствіи Твоемъ! Я повторю послѣднія слова моего милаго брата, моего сердечнаго друга: Боже Ты мой Господи! дай мнѣ языкъ, дай мнѣ словъ, чтобы выразить всю силу страшной мысли о нашемъ ничтожествѣ, — мысли, которая поражаетъ грудь мою!»

АЛЕКСАНДРЪ СТРАМИЛОВЪ.

Кавказъ.

4 ноября 1838 года.

«Отрывки изъ записокъ» Дмитрія Страмиллова доставлены мнѣ Федоромъ Дмитріевичемъ К...., сослуживцемъ, добрымъ другомъ, другомъ, обоимъ братьевъ Страмилowychъ, Г. К. нынѣ отставной капитанъ, изреченный въ Польшу, въ 1831 году, не

разъ раненъ на Кавказѣ въ кровавыхъ схваткахъ съ Черкесами. Разказы Федора Дмитриевича о быломъ, его записки о событіяхъ его жизни весьма интересны (*). Ему достались бумаги Страмилова; съ его же словъ помѣщая здѣсь разсказы послѣднихъ дней жизни Дмитрія Страмилова.

30 октября 1838 года, Д. Страмиловъ стоялъ съ двумя дѣями на крутомъ обрывѣ. Была жаркая перестрѣлка. Магдалы свистали пули; русскіе стрѣлки тщательно скрывались буграми и деревьями, усердно посылая пулю за пулею. Страмиловъ, бравый артиллеристъ, молодецки командовалъ своимъ взводомъ и время отъ времени осыпалъ картечью опушку лѣса, въ которой скрывались горцы. Ко взводу подъѣхалъ генералъ К., командиръ лѣваго фланга. Это былъ человекъ добродушный, необыкновенно храбрый, потерявшій въ бою шесть реберъ, но безъ большихъ воинскихъ дарованій, притомъ любившій входить во все.

— Страмиловъ! кричалъ К.: — не такъ и не туда наводите орудія! Смотрите, вотъ куда слѣдуетъ цѣлить.

На рѣзкое замѣчаніе поручика, генералъ К. разсердился не въ шутку и приказалъ батареинному командиру не давать поручику Страмилову орудій.

Это наказаніе чрезвычайно огорчило храбраго и умнаго поручика.

— Ну, что жь дѣлать, сказалъ полковникъ, желая успокоить Страмилова: — не унывайте, батенька! Ослушаться нельзя. Хоть первые два дня вы не берите подъ начало орудій; а я вотъ васъ, батенька, пошлю на ординарцы къ Р*. Тамъ, въ свитѣ, вы, батенька, найдете случай отличиться.... право, такъ.... Что жь, хотите, что ли, бѣжать ординарцемъ?

— Да дѣлать нечего, отвѣчалъ Страмиловъ: — не въ обозѣ же мнѣ быть въ самомъ дѣлѣ.

Страмиловъ посѣдѣлъ въ командировку. На борзомъ скакунѣ онъ сидѣлъ молодецки, лихо управлялъ конемъ. Вообще, надо замѣтить, что Страмиловъ былъ превосходный наѣздникъ, знающій артиллеристъ, любимецъ солдатъ своихъ и замѣчательный силачъ. Поднять съ земли и положить на плечо двѣнадцать пудовъ для него ничего не значило. Шашка его была необыкновенно тяжела.

(*) Биографія Федора Дмитриевича помѣщена въ изданіи Новоселова «Кавказцы». Портретъ его напечатанъ тамъ же.

Копулась схватка 1 ноября. На холмѣ стоялъ г. Р*. Довольнымъ взглядомъ окидывая оное поле битвы, прислушивался къ стихающей перестрѣлкѣ, шутилъ и балагурилъ съ окружающими.

— Господа! смотрите, вотъ нѣсколько молодецковъ джигитовъ у опушки, заговорилъ Р*, обращаясь къ своей свитѣ: — не угодно ли кому поохотиться заарканить краснаго звѣря?

Страмиловъ, только что подъѣхавшій къ свитѣ, услышалъ слова военачальника, прищипнулъ коня и выскочилъ впередъ. Съ неприятельской стороны раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Пули впились въ ногу поручика. Жгучая боль заставила его сдвинуть бока лошади. Закусивъ удила, лихо кудь рванулся впередъ и, какъ стрѣла, понесся прямо въ толпу джигитовъ.

Все дѣло произошло гораздо скорѣе, нежели я о немъ говорю. Черкесы окружили поручика, въ рукахъ его сверкнула шашка, и началась ужасная сѣча. Съ каждымъ взмахомъ силача новый трупъ валился къ его ногамъ; всѣ его раны были смертельны: онъ рубилъ отъ шеи до пояса. Недешево обошлись ему эти подвиги. Разъяренные враги сомкнулись вокругъ героя; довели кинжалъ въ ногу, изрубили лѣвую руку, отрубили кисть правой, при чемъ шашка Страмилова далеко отскочила съ мертвыми пальцами; наконецъ, послѣдняя и ужаснѣйшая рана была сдѣлана въ лицо. Кто-то изъ хищниковъ полоснулъ его такъ, что носъ, губы, вся кожа нижней части лица повисли на его груди. Не въ состояніи будучи защищаться, истекая кровью, поручикъ судорожно обхватилъ лѣвою рукою стволъ дерева и все еще продолжалъ не поддаваться.

— Господа, что жь вы стали! кричалъ генералъ къ опѣившей свитѣ. — Вѣдь его рубятъ.... маршъ-маршъ на помощь!

Черкесы силились оттащить поручика отъ дерева. Въ это мгновеніе, толпа казаковъ взвилась на горцевъ. Они бросили умирающаго офицера.

Къ мѣсту боя подскочалъ Р* съ свитою. Казаки спѣшились и въ грустномъ безмолвіи окружили героя. Тутъ же стоялъ братъ Дмитрія — Александръ Страмиловъ, служившій рядовымъ въ казачьемъ войскѣ (*).

(*) За какой-то промежутокъ юности, Александръ Страмиловъ былъ выданъ изъ корпуса въ фелдаты, вновь напромазилъ и угодилъ на Кавказъ, поступилъ въ казаки и совершилъ походъ въ одномъ отрядѣ съ братомъ.

— Господинъ Страмилловъ, положите брата на бурку, казаль генераль.

Разостлали бурку; но раненый не далъ себя вести. Онъ далъ два шага и упалъ на землю.

— Не желаетъ ли что сказать передъ смертью: я даю слово все сдѣлать для васъ, мой храбрый Страмилловъ, продолжалъ генераль, склонясь къ лицу умирающаго.

Братъ наложилъ на лицо отвисшую кожу. Умирающій стономъ повернулъ голову, мутнымъ взглядомъ указаль на брата, въ отчаяннѣ упавшаго подлѣ него на колѣни, вслѣдъ затѣмъ посмотрѣль на генерала. Въ этомъ взглядѣ, Р* прочель мольбу о томъ, чтобы простили его брата, чтобы произвели его въ офицеры.

Съ этою нѣмою просьбою, несчастный испустиль духъ.

Товарищи оплакали славную смерть храбраго. Р* тутъ же далъ 500 руб. на постройку памятника. На надгробномъ камнѣ высѣкли надпись: «На семъ мѣстѣ изрубленъ храбрый артиллерій офицеръ Дмитрій Страмилловъ. Господи, приими духъ раба твоего!»

По приказанію г. Р*, художникъ, состоявшій въ его свитѣ, сдѣлалъ портретъ убитаго, изобразивъ съ его страшною раной обрубленнымъ лицомъ.

Вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, предсмертная просьба не могла быть выполнена: Александръ Страмилловъ не дослужился до прапорничьяго чина, но получилъ какъ-то увольненіе отъ службы и удалился на житье въ деревеньку.

Мы передали замѣтки убитаго съ небольшими пропусками тѣхъ мѣстъ, которыя касаются его семейныхъ обстоятельствъ.

Несмотря на свою краткость, на сжатость и небрежность, съ которой набросаны замѣтки Страмиллова, онѣ рисуютъ предъ нами личность, характеръ этого человѣка. Личность эта интересна для насъ не сама по себѣ—мало ли героевъ и не-героевъ изрублены на Кавказѣ!—но интересна по отношенію къ современному обществу, къ обществу того времени. Несмотря на то, что только двадцать лѣтъ прошло со смерти Пушкина, но уже громадное, рѣзкое отличіе видно въ обществѣ нашемъ 30 и 50 годовъ.

Читая выкопанные вогласы Страмиллова, мы отчетливо представляемъ себѣ человѣка: мысля, убѣжденія котораго прямо сорвали подлѣ вліяніемъ тогдашняго направленія русской литературы. Добродушный, впечатлительный, съ душой и сердцемъ воспринимчивый, онъ вышелъ изъ корпуса, сохранивъ всю чистоту своей ответственности; онъ довооштался на литературныхъ произведеніяхъ того времени. А литература того времени, при могучихъ талантахъ, отличалась тоскою, разочарованіемъ. Этотъ духъ разочарованія повѣлъ и на нашего героя. Какими, напри- мѣръ, странными словами, — словами смѣшанными на устахъ романсанаго, только что вырвавшагося изъ корпуса прапорщика, привѣтствуетъ онъ первый день своей, какъ онъ думаетъ; свободной жизни!.. «Какъ отъ первой строки до послѣдней онъ вѣрнѣ своей тилой грусти: нигдѣ ни слова веселаго!..»

Въ литературныхъ произведеніяхъ, онъ почерпнулъ самыя идеальныя, возвышенныя чувства, — чувства немного рыцарскія, тѣмъ не менѣе, вошедшія, такъ сказать, въ его плоть и кровь.

Дмитрій Страмилловъ есть живой герой, — герой въ *поручичьемъ* чинѣ, прямо вышедшій изъ современнаго романа Бестужева (Марцинскаго) и т. п. писателей, имѣвшихъ въ свое время сильное вліяніе на молодое поколѣніе. Все, чѣмъ отличались герои «Фрегата Надежды», «Аммалатъ-Бека» и другихъ романовъ, то совершенно усвоилъ себѣ Страмилловъ и постоянно проводилъ въ жизни. Его разсказъ о ночлегѣ въ Остроленко, его разсужденіе о ревнивомъ командирѣ, его идеальная, рыцарская любовь къ кокетливой красавицѣ-полькѣ Ел..., мысль о которой не оставляетъ его до гроба, его мечтательность, его любовь къ природѣ, неподдѣльный восторгъ при созерцаніи ея, — отъ всего этого гнѣтъ искренностию.

Разсказъ нинѣ далеко не пользуется тою романтическою популярностью, какою пользовался онъ въ тридцатыхъ годахъ. Вослѣдствіемъ прославленный въ стихахъ и прозѣ, стремившій въ двадцатыхъ годахъ подвигами Ермолова, Кавказъ служилъ приманкою для молодежи того времени. Молодежь эта искала славы, жаждала побѣдъ и подвиговъ всякаго рода. О Кавказѣ говорили въ восторгѣ гостиныхъ, и, разумѣется, восторженный Страмилловъ, не находя возможности гдѣ нибудь проявить свои рыцарскія правила, спѣшилъ въ эту страну обитованную

Самая смерть округляетъ предъ нами характеръ Опр...
ясно видно, что вызвало его на подвигъ рыцарское возз...
долгъ война... Бго, гибель и доминантъ смерть талант...
Бестужева.

Мы не помнимъ, чтобы о ней въ нибудь подробно ра...
звывали. Вотъ потому здѣсь скажу разскажу, по словамъ Ф...
К., нѣсколько подробностей о смерти А. А. Бестужева (Ма...
линскаго).

Александръ Александровичъ Бестужевъ долго служилъ въ...
Кавказѣ нижнимъ чиновомъ. Наконецъ въ концѣ 1836 года, онъ...
произвелъ въ прапорщики Черноморскаго линейнаго № 10 бата...
лиона, въ крѣпость Гилленджикъ, что на Черномъ морѣ. Удар...
ше стояли и жить въ Гилленджикѣ ничево не было, во всемъ...
Кавказѣ. Крѣпость въ глуши, среди сналъ, дремучаго лѣса,
почти лишенная путей сообщенія, съ удаленными отъ нея селе...
нями Русскихъ, въ вѣчной опасности быть захваченной хищни...
ками. Самые средства ея къ защитѣ были чрезвычайно ненадеж...
ны. Валы обсыпались, рвы засорены, пушки самыя скверныя,
время 1810 года, отбитыя у Персиянъ и Турокъ. Однимъ сло...
вомъ, Гилленджикъ былъ какъ бы мѣстомъ наказанія, и туда по...
ступали, действительно, люди что называется отчаянные во всемъ...
отношеніяхъ. Можно понять, какъ обгорчало послѣ производимаго
и новое назначеніе Бестужева. Онъ успѣлъ выхлопотать при...
командированіе къ Грузинскому гренадерскому полку и, въ от...
рядъ барона Розена, отправился въ экспедицію, цѣль которой
была занятіе восточнаго берега Чернаго моря пѣлымъ рядомъ
укрѣпленій. На мысъ Адлеръ, въ Черномъ морѣ, сдѣлана была
высадка 7 іюня 1837 года. При первомъ вызовѣ охотниковъ для
занятія опушки лѣса, начинавшагося шаговъ во стѣ отъ моря,
прапорщикъ Бестужевъ немедленно вышелъ. Какъ на праздникъ
полетѣлъ какъ черой въ опасную схватку. Бестужевъ, прямо
сталъ прѣсѣчь въ передовую цѣнь.

— Что вы дѣлаете, Александръ Александровичъ, сказалъ
ему генералъ: — отличиться или умереть вы всегда и неволь успѣте,
чего же вы лѣзете на такую смерть? Ваша жизнь дорога
для Россіи. Вы должны, вы не должны браться за это.

Твердо убѣждалъ генералъ Бестужева: слишкомъ много
страдалъ онъ, много перенесъ горя и давно уже началъ думать.

— Нѣтъ, не дорожить, отвѣчалъ Бестужевъ на доводы на...
чальника и товарищей.

Насильство надъ гостею. Собрать стрѣлковъ принялъ ка...
питанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Л. Д. Альбрантъ.
Они высадились на берегъ. Бѣды безъ выстрѣла скрылись въ
гущу лѣса. Бестужевъ и Альбрантъ быстро двинулись къ нему
и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, уложили хребцовъ
въ тѣнѣ дѣревь. Между тѣмъ, высадились на берегъ мингрель...
скаго отряда; за нею прибылъ баронъ Розенъ, со всѣми сво...
ими отрядами и передовыми войсками главнаго отряда. Вдругъ
раздался барабанный бой. Альбрантъ вскочилъ и спросилъ ле...
жащаго подлѣ него старшаго унтеръ-офицера, не слышалъ ли
онъ сигнала къ движенію впередъ. Получивъ утвердительный
отвѣтъ, онъ двинулъ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, стрѣлковъ, въ то
время, какъ задній отрядъ не трогался съ мѣста. Въ глубинѣ ча...
ши, завязалась самая жаркая перестрѣлка; пули сыпались справа
и слева; тамъ и сямъ падали мертвые. Врагъ отступалъ. Стрѣл...
ки прощали лѣсъ, показался плетень, раздался лай собакъ — все
обличало близость аула. «Не зашли ли мы слишкомъ далеко?»
проговорилъ капитанъ и просилъ Бестужева, съ двумя рядовыми,
пробраться къ отрядному начальнику за новыми приказаніями.
Бестужевъ, преодолевъ тысячу смертей, выбрался невредимымъ
изъ лѣса. Получивъ отъ генерала Вальховскаго приказъ отсту...
пать, безстрашный прапорщикъ понесъ это приказаніе Альбран...
ту. Кромѣ трудности пробраться сквозь чашу, на каждомъ шагѣ
надо было ожидать встрѣтиться лицомъ лицу съ бродившими по
лѣсу черкесами. Выстрѣлы раздавались безпрестанно. Много уже
погибло съ нашей стороны; наконецъ двѣ пули съ визгомъ вон...
зились въ затылокъ и въ ногу Александра Александровича.
Солдаты столпились и хотѣли взять на руки любимаго офицера.

— Братцы, не хлопочите, не заботьтесь о мнѣ. Бросьте,
бѣгите. Я все равно умру... мнѣ не для чего жить....

Набѣжавшіе горцы вырвали раненаго, и на Бестужева посы...
пались удары.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по окончаніи экспедиціи, съ на...
шей стороны посылали въ горы майора русской службы, мир...
наго черкеса Гассанъ-Бея, развѣдать, не живъ ли еще гдѣ ни...
будь въ пещеру прапорщикъ Бестужевъ.

Гассанъ узналъ о его смерти.

— Знаете ли, кого вы убили? сказалъ майоръ горцамъ: — вы
изрубили человѣка, который писалъ о васъ, былъ сочинитель.

Черкесы единодушно стали сожалѣть о томъ:

— Намъ бы русскій Царь дѣлъ на выкупъ своего сочинителя, своего поэта мѣшокъ золота, и мѣшокъ въ человеческой рясѣ. Такъ рассказывалъ Гассанъ-Бей (*).

М. С. Й.

(*) Любопытно, что о смерти Марлинскаго рассказывались въ публикѣ долго послѣ 1837 года, самыя неважныя сказки. Такъ говорили, что онъ пропалъ безъ вѣсти, что на берегу Терама нашли его платье. Другіе толковали, что онъ пагъ на дуэли; третьи пресерьезно увѣрили, что Марлинскій и не думалъ ни тонуть, ни стрѣляться, а просто на просто, перешелъ въ математикство, и Шамакъ есть ничто иное, какъ авторъ «Аммалатъ-Бека».

Какъ бы то ни было, но эти басни достаточно показываютъ, какъ живо интересовалъ Марлинскій сводухъ многочисленныхъ читателей и поклонниковъ.

При одномъ изъ номеровъ «Кавказцы», изд. Новоселова, приложенъ прекрасно сдѣланный видъ мыса Адлеръ, мѣсто смерти прапорщика Бестужева. Въ биографіи генераль-маіора Л. Л. Альбранта, можно найти извѣстія о славной смерти нашего писателя.